

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
Л.Р. Хут, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры Новой и Новейшей истории
стран Запаदा и Востока МПГУ, (985) 7829887, ludmila1302@mail.ru

Статья посвящена проблеме периодизации истории Нового времени – одной из ключевых историографических проблем всемирной истории. Предметом авторского анализа являются подходы, возникшие в контексте позднесоветской историографии. Цель статьи – поиски ответа на вопрос, что должно преобладать в восприятии современной российской историографией наследия историографии советской – разрыв или преемственность?

Ключевые слова: периодизация истории, советская историография, история Нового времени.

THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF HISTORY OF THE NEW AGES: THE EXPERIENCE OF SOVIET HISTORIOGRAPHY

Khut L.R.

The article is devoted to the problem of division into periods of History of the New Ages – one of the most dominant historiographic problem of World History. The objects of author's analysis are the approaches which have been originated in the context of Late Soviet Historiography. The aim of article is the search of answer for the following question: what should be dominated in contemporary Russian Historiography perception of heritage of Soviet Historiography – rupture or continuity?

Keywords: history periodization, Soviet Historiography, history of the New Ages.

29–30 октября 2008 г. состоялась международная конференция «Время в координатах истории», организованная Центром истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Проблема периодизации Новой истории обсуждалась как на пленарных заседаниях (докл. П.Ю. Уварова, Л.Р. Хут, Д.Р. Жанытиева, Е.Ю. Сергеева, А.А. Носкова, А.Н. Фукса), так и в ходе работы секций, в частности секции «Категория времени в переходные эпохи» (докл. М.С. Бобковой, О.В. Кима, В.В. Назаровой и др.) [1]. Представительный состав участников и тематика докладов на пленарных и секционных заседаниях позволяют рассматривать данный научный форум как этапное событие в новейшей отечественной историографии и основание для ретроспективного взгляда на попытки решения ею одной из сложнейших проблем мировой исторической науки, каковой является проблема периодизации всемирной истории и отдельных ее этапов.

Интерес автора к проблеме периодизации истории Нового времени обусловлен, прежде всего, нуждами современной системы исторического образования, как высшего, так и среднего, которая сегодня оказалась погребенной под «монбланами» учебников и учебных пособий нового поколения, предлагающих самые разнообразные версии периодизации Новой истории, часто со ссылкой на «традицию». Порождением данной ситуации стал бесконечный дискурс «по поводу», в рамках которого проблема периодизации предстает «отягчающим», а не облегчающим элементом исторического образования, о чем недвусмысленно было заявлено на Всероссийском научно-методическом совещании «Проблемы методологии исследований, инновационные подходы и координация научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе» [2]. В данной статье речь пойдет о тенденциях позднесоветской историографии в интерпретации данной проблемы для того, чтобы читатель сам ответил на возникающие вопросы, как то: как относиться к «советскому наследию»? разрыв или преемственность? полное забвение или использование позитивного опыта? чем этот опыт может быть полезен сегодня?

Стремление дать периодизацию исторического процесса способствовало историческую мысль с момента ее возникновения. Периодизация, как известно, – это способ структурирования (упорядочения) исторического материала. И в этой упорядоченности нуждается любой историк, независимо от исследуемой им сферы. Но одновременно периодизация – это один из самых действенных с точки зрения дидактики способов изучения истории, поскольку упорядоченность – основа систематики.

Составной частью проблемы периодизации всемирно-исторического процесса является проблема периодизации Новой истории. Она включает в себя такие аспекты, как: взаимосвязь локальной периодизации истории с глобальной; критерии периодизации; рубеж между Средневековьем и Новым временем; внутренние рубежи Новой истории; обоснованность и содержание понятия «Новейшая история»; «евро(евро)центризм» периодизации; возможности ее использования для истории стран Азии и Африки.

Поиски адекватной схемы периодизации Новой истории в советской историографии привели, как известно, к тому, что с начала 1940-х гг. рубежом Новой истории стали считать Великую англий-

скую революцию, а общие хронологические рамки Новой истории определялись 1640–1917 гг., т.е. от «первой буржуазной революции европейского масштаба» до «первой победоносной пролетарской революции». «Хронологическими гранями новой истории служат, с одной стороны, Английская буржуазная революция середины XVII в., положившая начало торжеству капитализма в Европе, с другой – Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России, открывшая в истории человечества эру утверждения социализма и прогрессирующего распада мировой капиталистической системы. 1917 годом датируется начало новейшей истории» [3], – писали авторы академической «Всемирной истории» во «Введении» к пятому тому. Новая история делилась на два периода, рубежом между которыми были признаны франко-прусская война 1870–1871 гг. и Парижская Коммуна 1871 г., трактовавшаяся советской историографией как первая в мировой истории пролетарская революция [4]; периоды, в свою очередь, подразделялись на этапы, а общая схема периодизации выглядела следующим образом:

1) 1640–1870/1871 гг. – «период утверждения и победы капитализма в передовых странах Европы и Америки»:

а) 1640–1789 гг. – этап мануфактурного капитализма;

б) 1789–1870/1871 гг. – этап развитого, или зрелого капитализма.

2) 1871–1917 гг. – «период упадка и загнивания капитализма, перешедшего в стадию империализма»:

а) 1871 – кон. XIX в. – этап перерастания домонополистического капитализма в империализм;

б) кон. XIX – нач. XX вв. – эпоха империализма.

Как считалось в советской историографии, основным содержанием Новой истории «является победа над феодализмом, утверждение и развитие капитализма, последней в истории человечества антагонистической общественно-экономической формации, вступившей в конце данной эпохи в свою высшую стадию – империализм» [3].

В то же время, обозначив 1917 г. в качестве символической даты конца Новой истории и начала так называемой «Новейшей истории», советская историография придала последней не менее содержательный, чем периоду Новой истории, характер. «Основное содержание этой эпохи составляет переход человеческого общества от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Это – эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе» [5], – читаем мы в той же академической «Всемирной истории».

Сопоставляя подходы западной и советской историографии, И.М. Савельева и А.В. Полетаев пишут: «...термин «новейшее время» в западной исторической науке имел не столько содержательное, сколько временное, хронологическое значение. Иначе обстоит дело в советской историографии. Она отказалась от ассоциации новейшего времени с текущей историей и утвердила в качестве начала новейшей истории незыблемую дату – 1917 год. Эпохальный характер этой даты не подлежал сомнению – ее нередко приравнивали к началу новой эры. Эта идея восходит к ленинской характеристике Октябрьской революции как

начала новой эпохи всемирной истории, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму» [6].

С течением времени в вузовских и школьных учебниках закрепились и внутренняя периодизация «Новейшей истории», делившая ее на два периода, рубежом между которыми стала Вторая мировая война [7].

Итак, периодизация Новой истории, принятая в свое время в советской историографии, исходила из учения об общественно-экономических формациях и революционном переходе от одной формации к другой. Критерием периодизации являлся господствующий на том или ином этапе общественного развития способ производства материальных благ. Другими ее отличительными особенностями являлись, как это с очевидностью следует даже из ее поверхностного анализа, «революционаристский синдром» (в ее рамках революция как метод общественной трансформации приобрела гипертрофированное значение, а весь ход всемирной истории в эпоху Нового времени представлял как движение «от революции – через революцию – к революции»), жесткий («событийный») характер и «евро(европо)центризм».

Несмотря на свою «официальную признанность» и десятилетия довольно устойчивого существования в рамках советской исторической науки, данная периодизация породила огромное количество вопросов.

Сами авторы многотомной «Всемирной истории», в основу V, VI и VII томов которой, посвященных Новой истории, была положена данная периодизация, не отрицали, что принятая грань между средними веками и новой историей «является в сущности условной» [3]. Эту же мысль неизменно акцентировали авторы вузовских учебников по Новой истории, изданных в 1970-е – 1980-е гг. [8]. Начиная еще с 60-х гг. XX в., в ряде полемических статей оспаривалось этапное значение Английской революции, а в 1980-е гг. на страницах журнала «Вопросы истории» состоялась дискуссия по вопросу о хронологической границе между Средневековьем и Новым временем [9].

Постепенно в советской историографии сформировались несколько точек зрения по вопросу о начале Нового времени, каждая из которых имела своих сторонников и свою аргументацию, не выходящую, однако, за рамки формационного подхода.

Согласно первой, «официальной», рубежом между Средними веками и Новым временем признавалась Великая английская революция середины XVII в. В качестве аргументов заявлялось, что, во-первых, это первая буржуазная революция «европейского масштаба», якобы «положившая конец феодальной формации в Англии и открывшая эру господства капитализма» [10]; во-вторых, Английскую революцию «...удобно рассматривать как исходный рубеж для эпохи борьбы зарождавшихся буржуазных отношений против господствовавших почти повсеместно отношений феодальных» [11].

Один из крупнейших советских специалистов по истории Великой английской революции М.А. Барг в своей статье «Место XVII века в истории Европы (К вопросу о «начале нового времени»)» высказал несколько модифицированную точку зрения относительно рубежа между Средневековьем и Новым временем, который он увидел вообще в XVII в., а не в Английской революции как таковой. По М.А. Баргу, место XVII в. в истории Европы – «подлинно узловое, поворотное и в силу этого – эпохальное» [12]. Главный тезис ученого сводился к тому, что в границах XVII в. «класс, олицетворявший капиталистический уклад, сложившийся в недрах феодального общества, впервые стал политически господствующим в результате победоносных социальных революций в Голландии и Англии. Буржуазные революции в этом регионе стали завершающим актом трансформации хозяйственного уклада в буржуазный общественный строй. Родилась буржуазная цивилизация» [12]. В то же время справедливо будет утверждение, что М.А. Барг попытался усилить аргументацию в пользу рубежного значения Великой английской революции, обратившись от фактов политической истории к истории социально-экономической, чтобы сама революция обрела значение символа и освещения происходивших во всей Европе глубинных изменений социально-экономического характера. На страницах своей последней монографии «Великая английская революция в портретах ее деятелей» он писал: «В качестве социально-политического переворота, доведенного до конца, т.е. завершившегося уничтожением монархии и установлением республиканского строя, эта револю-

ция, невзирая на последовавшую за этим реставрацию политических структур и видимое сохранение старых социальных структур, провела столь глубокую борозду в истории этой страны, что в действительности сделала необратимым процесс становления буржуазных общественно-политических порядков в Европе в целом» [13].

Ярким примером «живучести» данной точки зрения в советской историографии является то, что авторы академической восьмитомной «Истории Европы», первый том которой увидел свет в 1988 г. (издание последующих, как известно, растянулось вплоть до сегодняшнего дня), событием, с которого начинается период Новой истории, называют все ту же Английскую революцию [14]. В целом, как следует из методологического предисловия, они придерживаются традиционной для советской историографии периодизации Новой истории («по революциям и войнам»: ее важнейшие рубежи – это Великая английская и Великая французская революции, Парижская Коммуна 1871 г. и Великая Октябрьская революция 1917 г. в России [14]. В то же время один из редакторов и авторов четвертого тома, в котором излагаются события европейской истории от Великой английской до Великой французской революций [15], В.Н. Малов в своем выступлении на «круглом столе» Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени (1992) заявил: «...официально принятый... рубеж Английской революции был установлен волевым порядком. Искусственность такого гипертрофированного представления о мировом значении Английской революции уже отмечалась... Об этом, в частности, свидетельствует и опыт IV тома «Истории Европы», в котором мы пытались выделить эту роль даже структурно, введением специального раздела об одновременных европейских революционных движениях середины XVII в. Однако мы получили отрицательный результат – нигде, даже во Франции, прямой связи социальных потрясений с Английской революцией выявлено не было» [16].

Иную точку зрения о начале Новой истории со второй половины 1960-х гг. обосновывал В.Г. Ревуненков. В первом выпуске сборника «Методологические вопросы общественных наук», вышедшем в 1968 г., была опубликована его статья «О периодизации новой и новейшей истории» [17]. В ней ленинградский ученый высказал иную точку зрения о хронологическом рубеже между Средневековьем и Новым временем, придав первоначальному накоплению капитала в истории роль решающего поворота, происшедшего с конца XV до конца XVIII в. «Пора, давно пора признать, что понятия «феодализм» и «средневековье» не вполне тождественны... Конец средневековью ...пришел на рубеже XV и XVI веков, а феодальная формация рухнула в передовых странах лишь в конце XVIII столетия. Следовательно, последняя стадия в развитии феодализма – стадия его разложения, стадия вызревания в его недрах капиталистического способа производства – выходит за рамки средних веков и составляет начальную фазу нового времени» [17], – писал В.Г. Ревуненков.

В свою очередь, главный тезис статьи В.И. Рутенбурга «Ранние буржуазные революции», положившей начало дискуссии 1980-х гг. по проблемам периодизации Новой истории на страницах журнала «Вопросы истории», сводился к тому, что уже в первой трети XVI в. европейские страны достигли такого уровня социально-экономического развития, при котором стали возможны антифеодальные буржуазные революции, из которых Немецкая, имевшая общеевропейский резонанс, потерпела поражение, а результатом Нидерландской была «первая в истории Европы победа прогрессивного тогда буржуазного строя над феодальным». «Все это, – делал вывод известный советский специалист по истории средневековой Европы, – говорит о том, что началом капиталистической эры, началом Нового времени может считаться не Английская революция XVII в., а Нидерландская революция XVI века» [18].

В свою очередь, исследуя процесс перехода от феодализма к капитализму в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, Т.М. Исламов и В.И. Фрейдзон пришли к выводу, что «следует рассмотреть вариант, при котором за отправную точку новой истории принимается зарождение и необратимое развитие капиталистического производства (уклада) в странах Северо-Западной Европы, т.е. конец XV – первые десятилетия XVI в.» [19].

В содержательной статье «Позднее средневековье или ранняя новая история?» Ю.Е. Ивонин, включившись в дискуссию о хронологической границе между Средневековьем и Новым временем и критически проанализировав подходы к решению этой проблемы ряда советских историков (В.И. Рутенбурга, М.А. Барга и др.), поставил ряд обоснованных вопросов: почему хронологическим рубежом должна быть какая-то точная дата? пусть немецкая раннебуржуазная революция и потерпела поражение, но ведь именно она дала импульс другим революциям? не нарушается ли общеевропейский, формационный подход, если в качестве исходного рубежа берется только одна из буржуазных революций? что означает середина XVII в. для Италии, Германии, Испании, переживавших период экономического и политического упадка? как корреспондирует с традиционной датой начала Новой истории периодизация истории международных отношений переходной эпохи от феодализма к капитализму? и т.д. [20]. «...Появляются сомнения в целесообразности разделять период XVI–XVIII вв. на позднее средневековье и часть первого периода новой истории... представляется возможным называть период XVI–XVIII вв. ранней новой историей сообразно незрелости раннего капитализма вообще и в то же время целостности этого периода, без деления его на две половины ввиду экономической, политической и международной взаимосвязи. Это, конечно, рабочая гипотеза, основанная на том, что XVI–XVIII века – время мануфактурной стадии капитализма, которую не стоит размещать в разных формациях, и не претендующая на окончательное решение вопроса» [20], – делал на основе осуществленного анализа осторожный вывод Ю.Е. Ивонин.

Уточняя свою позицию и продолжая отстаивать мысль о том, что ранние буржуазные революции – Нидерландская и Английская – не нанесли решительного удара феодально-абсолютистскому строю, а значит не могут рассматриваться как начало новой истории, В.Г. Ревуненков в 1980-е гг. стал подчеркивать роль Великой французской революции в этом процессе. «Революция конца XVIII в. во Франции знаменовала собой крутой поворот не только в истории этой страны, но и во всемирной истории – поворот от феодализма и абсолютизма к капитализму и буржуазной демократии» [21], – такая была позиция главы ленинградской школы историков Французской революции. В подтверждение ее автор ссылаясь на известную мысль В.И. Ленина о том, что «новую эпоху в истории человечества открыла великая французская революция», и что содержанием этой эпохи было «свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чужденационального гнета» [22].

Общим в подходах В.Г. Ревуненкова 1960-х и 1980-х гг. к проблеме начала Новой истории было то, что он оспаривал эпохальное значение Великой английской и подчеркивал особую роль Великой французской революции в победе капиталистического строя. При этом ученый постоянно демонстрировал свою приверженность т.н. творческому, а не ортодоксальному марксизму [23], за что долгое время считался своего рода изгоем советской историографии [24]. Кроме того, именно В.Г. Ревуненков стал едва ли не первым представителем советской историографии, утверждавшим, что Новейшая история – составная часть Новой истории, ее раздел, а не самостоятельный период мировой истории [17].

В конце 1980-х гг. один из крупнейших отечественных историков-латиноамериканистов М.С. Альперович заявил, что у него «нет уверенности в правомерности отнесения таких событий всемирно-исторического значения, как... открытие и завоевание Америки европейцами, Реформация, Крестьянская война в Германии, Нидерландская революция, к эпохе средних веков» [25].

Так в советской историографии сформировался спектр подходов к вопросу о начальном рубеже Новой истории, причем, как следует из изложенного, большинство критиков «общепризнанного» подхода склонны были искать этот рубеж на пограничье XV–XVI вв. В то же время верхнюю границу Новой истории – 1917 г., отделяющую ее от истории Новейшей, советские историки либо не трогали вовсе, либо аккуратно «сдвигали» к 1918 г. (в учебной литературе, например), чтобы это не выглядело совсем уж посягательством на сакральную дату в советском историческом календаре.

В контексте обсуждаемой проблемы необходимо упомянуть о том, что в советской историографии постоянно возникал вопрос о критериях периодизации, хотя, казалось бы, формационная схема, демонстрация приверженности которой стала своего рода общим местом в трудах советских историков, давала на него однозначный

ответ. Так, акад. Е.М. Жуков в своей статье «К вопросу о критериях периодизации истории» писал, что «сложность проблемы периодизации состоит в том, что трудно установить единый критерий, способный удовлетворить потребность как в обоснованном членении всемирно-исторического процесса, так и региональных или локальных историй», что «любая периодизация является приближительной и условной. Точная датировка крупных исторических процессов и явлений практически невозможна. Наиболее важным и существенным представляется установление, хотя бы в самой приближительной форме, зависимости локальных исторических процессов от генеральной тенденции общественного развития, выражающей основную закономерность поступательного движения человечества» [11].

Таким образом, советская историография всегда держала в поле своего зрения вопросы периодизации Новой истории. Официальная «признанность» схемы, установившейся в начале 40-х гг. XX в., ее закреплённость в вузовских и школьных учебниках не привели к полному закрытию проблемы для обсуждения в научной среде. Критические замечания в адрес традиционной для советской историографии периодизации, носившие спорадический характер, в 1980-е гг. перерастают в целенаправленное воздействие на «незыблемые устои». Последствия этого воздействия в полной мере ощутила на себе российская историография рубежа XX–XXI вв.

Литература

1. Международная научная конференция «Время в координатах истории» (29–30 октября 2008 г.): тезисы. – М., 2008.
2. Всероссийское научно-методическое совещание «Проблемы методологии исследований, инновационные подходы и координация научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе» // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3.
3. Всемирная история: в 10 т. Т. V / отв. ред. Я.Я. Зутис. – М., 1958.
4. Там же. Т. VII / отв. ред. А.А. Губер. – М., 1960.
5. Там же. Т. VIII / отв. ред. И.И. Минц. – М., 1961.
6. Савельева И.М., Полежаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. – Т. 1. Конструирование прошлого. – СПб., 2003.
7. Новейшая история 1918–1939 гг.: учебник / И.С. Галкин (гл. ред.) и др. – М., 1974.
8. Новая история. Ч. 1. 1640–1870 / под ред. А.Я. Нарочницкого. – Изд. 2-е, доп. – М., 1972; Новая история стран Европы и Америки: Первый период / под ред. А.В. Адо. – М., 1986.
9. Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции // Вопросы истории. – 1984. – № 3; Барг М.А. Место XVII века в истории Европы (К вопросу о «начале нового времени») // Там же. – 1985. – № 3; Ивонин Ю.Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? // Там же. – 1987. – № 1.
10. Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. / под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. – Т. 1. – М., 1954.
11. Жуков Е.М. К вопросу о критериях периодизации истории // Новая и новейшая история. – 1979. – № 1.
12. Барг М.А. Место XVII века в истории Европы.
13. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М., 1991.
14. История Европы: в 8 т. – Т. 1. Древняя Европа. – М., 1988.
15. История Европы: в 8 т. – Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). – М., 1994.
16. Круглый стол Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени (4 сентября 1992 г.) // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. – М., 1993. – № 2.
17. Ревуненков В.Г. О периодизации новой и новейшей истории // Методологические вопросы общественных наук. – Л., 1968.
18. Рутенбург В.И. Указ. соч.
19. Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. – 1986. – № 1.
20. Ивонин Ю.Е. Позднее средневековье или ранняя новая история?
21. Ревуненков В.Г. Современные интерпретации Великой

французской революции // От старого порядка к революции. – Л., 1988.

22. Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн. собр. соч. – Т. 26.

23. Комиссаров Б.Н. Выдающийся российский историк (К 85-летию профессора В.Г. Ревуненкова) // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Серия 2. История. Языкознание. Литературоведение. – 1997. – Вып. 3.

24. Периодизация всемирной истории / ред.: А.С. Шофман. – Казань, 1984.

25. Альперович М.С. О «белых пятнах» в истории Америки // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2.

УДК 330.8

ББК 63.3(2)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Т.А. Добычина, аспирант Шуйского государственного педагогического университета (49351) 3-11-22

Статья посвящена изучению благотворительности как одного из важнейших аспектов деятельности российских провинциальных предпринимателей второй половины XIX – начала XX века.

Картина предпринимательской благотворительности в области народного образования и просвещения рассмотрена автором на примере Владимирской губернии – одной из активных и наиболее развитых в промышленном отношении среди всех губерний Центральной России.

Статистические данные, которые приводит автор в данной работе, доказывают, что благотворительная деятельность провинциальных предпринимателей охватывала различные учебные заведения: от земских и церковно-приходских школ до школ для детей-инвалидов и сыграла важную роль в решении проблемы сокращения неграмотности. Эта деятельность оказала значительное влияние на развитие начального профессионального образования.

Ключевые слова: провинциальные предприниматели, благотворительная деятельность, образовательные учреждения, профессиональное образование.

EDUCATIONAL CHARITIES BY PROVINCIAL BUSINESSMEN OF THE 2nd HALF OF THE 19th CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Dobychina T.A.

The article is focused on studying one of the most meaningful aspects of Russian provincial businessmen's activities in the 2nd half of the 19th century and the beginning of the 20th century – their charities for educational establishments.

This subject has been studied by the author within the framework of Vladimirskaya Gubernia, the area which used to be one of the most industrially developed among other gubernias of central Russia.

The statistic data given by the researcher in this paper prove that those charities by provincial businessmen embraced various educational establishments including local elementary schools, parochial schools and schools for children with special needs. Such charities played an important role both in reducing illiteracy and developing general and professional education system.

Keywords: provincial businessmen, charity philanthropy, educational institutions, professional education.

Освобождение крестьян в 1861 году от крепостной зависимости повлекло за собой изменение характера народной жизни. Немалое количество бывших крепостных устремилось в поисках заработка на фабрики. Однако большая часть рабочего населения страны была неграмотна. Вопрос народного образования и просвещения стал одним из важных.

В решение проблем, связанных с неграмотностью, активно включились предприниматели. Во-первых, они сами устраивали и содержали образовательные учреждения. Школы и училища создавались предпринимателями при собственных производствах и давали бесплатное начальное образование детям фабричных работников. Во-вторых, предприниматели оказывали регулярную благотворительную помощь уже существующим учебным заведениям.

Что касается учебных заведений, организованных предпринимателями при производствах, то о масштабах этой деятельности позволяют судить следующие цифры: в 1894/95 учебном году в России насчитывалась 471 фабричная школа; средства, израсходованные на их содержание предпринимателями, составляли 678 880 рублей, что составляло 0,15% оборотов производств. Училища устраивались, в основном, при наиболее крупных предприятиях, потому их число было незначительно – 0,4% количества фабрик [1].

Для объективности заметим, что в 1870-х – начале 1880-х годов правительство имело намерение сделать устройство и содержание училищ и школ при производствах, использующих труд малолетних, обязательным. Однако соответствующих законов на этот счет издано не было. Устройство учреждений образования при собственных производствах было личным делом предпринимателя и вовсе не вменялось ему в обязанности.

Картина предпринимательской благотворительности в области народного образования и просвещения может быть рассмотрена на примере Владимирской губернии – одной из активных и наиболее развитых в промышленном отношении среди всех губерний Центральной России.

В 1890 году во Владимирской губернии насчитывалось 36

фабричных школ, в которых обучалось 4294 ученика. То есть на 248 рабочих приходилась 1 школа, а на каждых 22 рабочих – 1 ученик [2].

Характерной особенностью фабричных учебных заведений было то, что учащимся, наряду с обычным, давалось специальное образование. Здесь проводились практические занятия, связанные с особенностями местного сельского крестьянского быта, прививались элементарные агрономические и ремесленные навыки. На пришкольных земельных участках разбивались сады, огороды, устраивались пасаки, где учащиеся практиковались в применении полученных знаний.

Одним из лучших фабричных училищ Владимирской губернии было открытое в 1864 году на средства предпринимателя Т.С. Морозова училище в местечке Никольском Покровского уезда. В отчетах фабричного инспектора Владимирского округа за 1882–1883 гг. отмечается, что училище располагалось в большом трехэтажном каменном здании, оборудованном необходимыми коммунальными удобствами (системой водяного отопления, вентиляцией, газовым освещением), имело обширные учебные комнаты и было в достатке снабжено необходимыми учебными пособиями [3].

Безусловно, училище в Никольском – это образцово-показательный пример. Благоустройство и качество обучения в фабричных школах и училищах зависело от личного желания и материальной состоятельности владельцев фабрик. Тем не менее по многим показателям фабричные школы отличались в лучшую сторону от земских [4].

Значительную часть всех благотворительных средств, посвященных образовательным учреждениям, предприниматели жертвовали на профессиональные учебные заведения. В 1888 году на основе «Общего нормального плана промышленного образования в России», разработанного И. А. Вышнеградским, были утверждены «Основные положения о промышленных училищах», которые стали базой всего профессионально-технического образования в стране.

Важная роль в совершенствовании профессионального